

Пастыри церкви XX века

Анна Алиева

Монастырь в миру. Пастырские приемы отца Алексея Мечёва

Есть два подхода к людям: преподобного Серафима и Иоанна Предтечи. Мне ближе подход преподобного Серафима, я и стараюсь так подходить. К каждому надо подходить очень осторожно и нежно.

Святой праведный Алексей Мечёв

Отец Алексей Мечёв — одна из ключевых фигур в духовной жизни Москвы начала XX в. Как пастырь он прославился в 1910-е годы. В этот сложный для России период он не только помогал людям, но и смог стать реальным примером христианской жизни. В своей пастырской деятельности он добивался поразительных результатов, к нему шли за советом и считали его своим духовником очень разные люди: актеры, философы, простые рабочие, студенты и т. п. Но главный результат его служения в том, что он воспитал таких церковных людей, которые и после его смерти (1923) остались в церкви. Они смогли стать общиной, вести глубокую церковную жизнь, и жизнь эта, сохранившись в течение всего советского периода, была донесена до наших дней.

Таких пастырей немного, и потому их опыт так важен для нас как по своему содержанию, так и по формам воплощения.

Пастырский путь о. Алексея Мечёва

Ведение человека в церкви, т. е. врачевание грехов и просвещение, происходит различным образом. Отец Алексей делал свои акценты и по-своему воплощал пастырство в современном ему мире. Поэтому мы начнем рассматривать тему пастырства с духовного пути самого пастыря.

Отец Алексей Мечёв родился в семье регента хора Чудова монастыря (резиденции митрополита Московского Филарета). Роды были трудные, о чем отец о. Алексея сообщил митрополиту. Святитель Филарет, всегда входивший в нужды семьи своего регента, отозвался на эту скорбь горячей молитвой. Младенец благополучно родился и был назван Алексеем в честь св. Алексея, человека Божия. Отец Алексей впоследствии всегда говорил: «Мы с владыкой одного духа», подразумеваемая дух горячей веры и ревности о соборании Церкви Божией.

Для характеристики пастырского пути о. Алексея, как и его отношения к жизни вообще и к церковной жизни в частности, необходимо упомянуть три положения, на которые он опирался. Это первоначальное желание создать «монастырь в миру», т. е. живой приход, живую церковную общину. Второй момент — это встреча с о. Иоанном Кронштадским, в результате которой о. Алексей как бы развернулся от сосредоточенности на себе и своем горе вовне, к людям. И третье — это глубокое смирение о. Алексея, всегда избегавшего всяческих наград и всерьез считавшего себя мало что делающим. На этих трех «китах» — соборании общины, служении людям и личном смирении (а значит, и дерзновении) — строилась вся пастырская деятельность о. Алексея.

Основные качества о. Алексея как пастыря, которые отмечают его духовные дети, — это твердость на выбранном пути, миссионерская направленность жизни, умение выбрать средний путь между потворством слабости и «закручиванием гаек».

В качестве примера твердости на выбранном пути можно привести неотступное совершение ежедневного богослужения в течение восьми лет в пустом храме. И результат — тысячи людей, приходящих в храм в конце его жизни. Миссионерскую деятельность о. Алексей развернул сразу же по своему назначению настоятелем храма Николы в Кленниках на близлежащем Хитровом рынке — известном месте, где собирались самые обездоленные жители Москвы. И это принесло немалые плоды: к о. Алексею приходили люди разных сословий, рядом с ним многие и многие обрели веру, укрепились в вере и в жизни в Боге.

В своем подходе к пасомым о. Алексей пользовался принципом икономии. Он учил, что для христианина необходимо исполнять все заповеди, данные церковью. Но «ради любви, которая множество грехов превозмогает», считал возможным что-то из установлений и нарушить. Так, о. Алексей допускал к исповеди сильно опоздавших на службу и даже пришедших уже перед

чащей. Но при этом строго относился к нарушающим церковное благочестие, к неблагоговейно ведущим себя за богослужением. Он призывал как можно чаще бывать в церкви на богослужении и порицал не посещающих храм по разным житейским причинам, но при этом не одобрял и тех, кто «ради храма» запускал дом или оставлял детей на произвол судьбы. Он не гнался за количеством прихожан, всегда обращая внимание на качество, входил в проблемы и заботы ближних.

С самого начала о. Алексей стремился к созданию общины. Он считал:

...Молитва за пасомых, истовое совершение богослужения и проповедь — вот необходимые условия жизни для пастыря. Вокруг священника постепенно образуется круг духовных чад. Не надо стремиться, чтобы он был большой. Лучше действовать вглубь, а именно небольшое количество пасомых позволяет осуществлять лучшее духовное руководство. Широта же придет сама собой из глубины. Пастырь должен входить во все обстоятельства жизни пасомых и служить им любовью. Он не должен гнушаться никого [3, с. 189].

Пастырство в отношении личного духовного роста

Первый шаг, который делает пастырь по отношению к «заблудившейся овце», — это «приведение ее в нормальный вид». Прежде чем такую «овцу» куда-то вести, ее нужно «привести в чувство», помыть, обогреть, накормить. Так же и пастырь духовный должен привести человека во вменяемое состояние, вернуть ему человеческое достоинство, прежде чем вести его к Богу. Это означает, что его необходимо выслушать, утешить, помочь ему, воззвать к Богу о нем и таким образом «разгрузить» от гнетущего его бремени.

«Разгрузка» и утешение — это то, с чем сталкивались практически все, кто приходил к о. Алексею. Иногда даже батюшке самому приходилось ехать в гости «на чай», и это тоже бывала «разгрузка» какой-либо семейной ситуации. Но если человек хотел большего, то о. Алексей давал и большее, но тогда спрашивал уже по-другому. При этом часто исповедь была переходным моментом от «разгрузки» к началу духовной жизни¹.

1. См., например: воспоминания Константина Апушкина [7, с. 315–326].

Покаяния батюшка требовал не формального, а глубокого, искреннего, смиренного, слезного, способного произвести обновление человека, к нему он и старался подвести, и достигал этого не длительными объяснениями или святоотеческими примерами, а кратким, простым, но метким словом, которое проникало в душу и заставляло встряхнуться и задуматься [5, с. 39].

Если батюшка видел, что человек готов встать на путь духовной жизни, он начинал его вести. Это ведение было очень разным по форме в отношении каждого человека, однако имело общие принципы. Формы, которые использовал о. Алексей, были следующими: регулярная исповедь и участие в богослужении, письма, ведение дневника, посещение встреч, которые проводил сам о. Алексей или те, кого он благословил. Основными принципами были следующие: «у каждого своя мера» и «бери по силам, но что взял — исполняй во что бы то ни стало».

Работа над изменением жизни должна начинаться с узкого круга — семьи, близких. Основой этого изменения было внимательное отношение к себе, к своему поступку и слову.

И в жизни он не требовал многого, но прежде всего хорошего отношения к близким и родным. Зато уж этого требовал неукоснительно на каждой исповеди [5, с. 38].

Одним из важных пастырских методов была духовная переписка. В письмах к конкретным людям о. Алексей мог напрямую говорить о проблемах человека, о том, в чем ему необходимо исправиться, а также давать конкретные рекомендации к исправлению, каждому свои. Например, в случае проблем с самолюбием и гордостью предлагал читать молитву Ефрема Сирина утром и вечером, беседовать с духовно опытными людьми и вообще участвовать в серьезных разговорах, при этом избегая пустых. Кроме того, о. Алексей рекомендовал «думать о Сладчайшем Иисусе и воплощать в себе Его жизнь и учение», не обращать внимание на то, что говорят окружающие [3, с. 161–162] и др.

Еще одна важная форма — ведение духовного дневника. Такой труд, считал о. Алексей, полезен для анализа своего состояния и пути, а также хранения постоянной памяти о Боге. Кроме того, дневники эти служили хорошей пищей для бесед и поводом для назидания. Отец Алексей часто зачитывал на встречах некоторые места из этих дневников (так, чтобы нельзя было узнать автора) и на разрешении типичных ситуаций пока-

зывал примеры, как и что можно делать в духовной жизни каждому слушающему.

Отец Алексей любил говорить, что «путь ко спасению у всякого свой и в своей мере» [3, с. 160].

Прямые указания давал о. Алексей только самым близким: в письмах, в личных беседах, в «Кратком правиле для благочестивой жизни». В нем он касался вопросов как четкого регламентирования внешнего строя жизни, так и серьезного продумывания ее внутреннего устройства.

...От постоянных своих духовных детей батюшка требовал, чтобы то малое молитвенное правило, которое у кого имелось, исполнялось неукоснительно, невзирая ни на усталость, ни на другие обстоятельства [5, с. 40].

Любое дело, в том числе и пастырство, состоит из двух аспектов: содержания и методов. Отец Алексей налаживал нормальную христианскую жизнь своих духовных чад. Это приводило к исправлению их жизни в мире, т. е. этических и аскетических ее сторон (этика отношений в семье, на работе и т. п., в отношении аскетике: правило благочестивой жизни, личные советы, правило послушания). Кроме того, происходило налаживание богослужebной жизни. Для возрождения церковной жизни о. Алексей использовал форму встреч и занятий: так в 1919–1922 гг. при храме проходили занятия по литургике, а также по свв. отцам и Евангелию. На этих встречах-занятиях давались необходимые знания, а также передавался церковный опыт в этической, аскетической и богослужebной сферах жизни церкви.

Основной целью действий батюшки было «раскрыть в человеке его призвание и указать ему путь, каким он должен идти к Небу» [3, с. 160]. В этом, по мнению о. Алексея, и заключалась задача духовного отца.

В зависимости от духовного возраста и состояния, степени зрелости человека о. Алексей мог очень по-разному его вести:

С одним он был строг и взыскателен, с другим — ласков и мягок; с одним говорил, как бы беседуя; другому — решительно приказывал или делал выговор; одного без конца щадил и умолял, от другого иногда требовал покаяния в присутствии других, когда видел, что такое подавление самолюбия этот человек выдержит [5, с. 178].

Если человек приходил с бурей в душе, батюшка его никогда тут же не укорял и не вменял ему его проступка. В эту минуту он уходил только облас-

канный и с легким сердцем. Но потом, когда тот приходил к нему в спокойном состоянии духа, выставит весь его грех так, что не почувствовать этого или забыть было невозможно [5, с. 188].

Когда человек обретал один навык, о. Алексей продвигал его дальше:

В своем старческом руководстве о. Алексей всегда возводил руководимых им к подвигу духовному, т. е. наиболее трудному и существенному. Но все трудное начинается с легкого. Внешний подвиг необходим, хотя бы самый малый; он воспитывает силу воли, без которой невозможен никакой, тем более духовный подвиг [5, с. 182]. Когда же кто отвыкал от явных проявлений гнева и нетерпения, батюшка начинал постепенно также строго взыскивать за мысли и пожелания, даже за малейшее внутреннее греховное, нетерпеливое движение души и этим постоянно поддерживал покаянное чувство и приводил к собранности [5, с. 182].

Находящихся в начале духовного пути батюшка одобрял и порицал или наедине, или так, чтобы это было понятно только тому, к кому обращены были его слова. Когда же человек привыкал к духовной жизни, входил в нее, начинал расти, то, способствуя подавлению самолюбия и гордости, обличал такого без жалости при всех. Если же и эта трудная наука усваивалась, то временами (иногда для пользы кого-то из присутствующих в данный момент) он вдруг обличал в таком грехе или проступке, в каком ты вовсе не был виноват. Ответ же на все должен был быть один: «Простите, батюшка».

Существует мнение, что о. Алексей не накладывал епитимий, а только любовью исправлял грешника. На самом деле это зависело от степени знакомства человека с о. Алексеем. При более близких и серьезных отношениях появлялась и требовательность, и епитимьи. Кроме того, было мудрое человеческое отношение, в котором сочетались похвала и строгость, что имело целью и вселение вдохновения, и одновременно трезвение:

Меня батюшка редко хвалил и просфоры давал редко, но когда уж жалел, то жалел и ласкал, как мать свое дитя, и все сиротство души пропадало мигом. Хваля, он придавал силы идти дальше. <...> Но после таких случаев был особенно взыскателен и серьезен [5, с. 189].

Бережно относясь к душе каждого, о. Алексей использовал вместо прямого косвенное указание на грех. Это происходило таким образом: в присутствии человека, которому было необходимо излечение от определенного греха, о. Алексей рассказывал о подобных поступках и их последствиях [3, с. 160] или зачитывал из назидательных книг касающееся проблем слушателей [3, с. 178].

Приводимые батюшкой рассказы и случаи всегда были рассчитаны на круг людей, среди которых он находился, на их наклонности и интересы. Его примеры поражали простотой и яркостью, силой и меткостью, воспринимались легко и с живым интересом, поскольку шли из современности, а краткие замечания и пояснения ненавязчиво помогали слушающим правильно с христианской точки зрения оценивать существующую обстановку жизни, особенно вновь сложившуюся, послереволюционную. Одновременно эти рассказы намечали верный путь и образ действий [5, с. 134].

Основным условием для пасомого было послушание [5, с. 180–185]. Но при этом мера послушания была у каждого своя: у кого-то до мелочей (какую книгу читать, куда идти и т. п.), у кого-то — только в основных вопросах: как вести духовную жизнь, что делать в поворотные моменты своей жизни.

Послушанию о. Алексей учил на примере тех, кто его уже обрел. Так, он попросил одну девушку сходить в храм и прервать панихиду, которую служил один из священников храма Николы в Кленниках, и поправить чин, по которому он служит, сказав, что так велел о. Алексей. Отец Лазарь, которого прервали подобным образом, поблагодарил эту девушку и тут же стал служить так, как благословил о. Алексей.

Кроме послушания слову, батюшка учил и примером своей жизни.

Одна сестра спросила однажды Нину, девушку, жившую в одной из комнат батюшкиной квартиры, часто ли о чем-нибудь батюшка с ними разговаривает? «Нет, — ответила она, — он считает, что если пример его не действует, то слова не подействуют» [5, с. 208].

Требовал батюшка и постоянства в выборе пастыря:

Во всем должно быть постоянство: выбрал духовника, его держись, а не бегай от одного к другому [5, с. 185].

Для того чтобы некоторые духовные чада осознали, что они делают (т. е. для их покаяния), о. Алексей говорил о том, как его самого огорчают ссоры в храме, себялюбие и т. п. с конкретными примерами случаев, но без имен. Это слышали те, кто любил батюшку, и старались исправиться.

Перед кротким, смиренным и любящим батюшкой я чувствовала себя как на страшном суде, особенно когда он вслух читал мои письменные исповеди, иногда прибавляя: «Зачем же ты это делаешь, ну послушай. Я краснею за тебя». Лучше, казалось, было провалиться сквозь землю, чем слышать его огорченный голос. Но тут же надо было во что бы то ни стало дать обещание больше так не грешить [5, с. 181].

Очень важно, что о. Алексей давал верное направление действию и мысли, вводя личную жизнь в контекст жизни христианской:

Вдумывайся во все. Старайся в своей жизни выявлять Христа Спасителя. Прежде чем что делать или что сказать, подумай, как бы поступил или сказал в данном случае Сам Иисус Христос.

Созидание общины

Первым, с чего начал о. Алексий созидание общины, было богослужение — основное, что может делать приход для собирания людей. С первого дня своего настоятельства в храме он ввел ежедневные богослужения, что впоследствии создало хороший ритм общей молитвы для его духовных чад и прихожан. Но особенно важно то, что о. Алексей целенаправленно вводил в храмовое богослужение те элементы, которые были доступны всем, тем самым включая весь храм в сослужение. Во время некоторых богослужений Писание читалось на русском языке и всегда была проповедь.

Незабываемы те моменты, когда по окончании всенощной батюшка начинал сам, вставая на колени, петь полным бодрости голосом: «Под твою милость прибегаем...» и вся церковь вторила ему как один человек... [5, с. 122].

Особого внимания заслуживает следующая богослужебная традиция. В ночь с субботы на воскресенье (примерно с 1919 г.) служилось достаточно полное всенощное бдение, потом литургия. На всенощных богослужениях народ подпевал все, что мог, а

также читалось Писание (на русском языке). Во время чтения кафизм все могли сесть, а регент время от времени перемежал чтение кафизм пением их с канонархом, от чего народ не засыпал, а полнее участвовал в чтении кафизм. То же было и с запевами канона. Всенощная заканчивалась в 4 утра, в 5 утра начиналась литургия, «за которой почти все, принимавшие участие в этой исключительной службе, причащались» [5, с. 124].

После литургии в одном из помещений храма устраивалась трапеза с общением на духовные темы и чтением псалмов. Трапезы назывались агапами. Первоначально беседы на агапах выстраивал сам о. Алексей, но постепенно стал передавать ситуацию в руки собравшимся.

Около 8 часов певчие и постоянные духовные чада батюшки собирались в нижнем помещении храма, где устраивалось скромное угощение потрудившимся за ночным бдением. Называлось это угощение агапой. Сюда заранее, кто мог, приносил что-нибудь из овощей, хлеб, сахар или конфетки-карамельки для чая. Расставлялись столы, скамьи, стулья; приходили священнослужители и батюшка. Батюшка принимал участие в общей трапезе и, как на беседах по средам у себя на квартире, что-нибудь рассказывал, затрагивая самые насущные вопросы жизни и взаимоотношений. Высказывался кто-нибудь из присутствующих. В какой-то момент батюшка не стал ничего говорить, чтобы другие учились. Каждый раз трапеза дважды прерывалась: вставала одна из канонархов и неспешно, четко произносила стихи псалма, а сидевшие дружно за ней пели. В первый раз пелся псалом 8 на 3-й глас, второй раз — 132 на 7-й глас [5, с. 124–126].

Отец Алексей целенаправленно строил межчеловеческие духовные и душевные отношения. Начал он просто с внимательного, ответственного, сострадательного отношения к своим духовным чадам, потом стал завязывать отношения между ними, постоянно трудился над созданием тесной духовной семьи. Он посылал кого-нибудь из сестер навестить другую, заболевшую; давал что-нибудь съестное отнести ей, благословлял, когда поздно задерживались, одну сестру ночевать у другой. И радовался, когда вечер проходил в чтении хорошей духовной литературы, и особенно — в совместной молитве на ночь. Не благословлял ходить туда, где больше рассказы о новостях и прочая болтовня. Благословлял периодически собираться без него, указывая, что прочесть и на что обратить внимание. Постепенно о. Алексей приучил своих духовных чад служить друг другу кто чем мог,

жить радостями и горестями друг друга, собираться для просвещения духовного и приобщения к церковной традиции.

Маросейская Община была по духовному своему смыслу дочерью Оптинской Пустыни: тут жизнь строилась на духовном опыте. О. Алексей учил своею жизнью, и все вокруг него жило, каждый по-своему и по мере сил участвовал в росте духовной жизни всей Общины. Поэтому, хотя Община и не располагала собственной больницей, однако многочисленные профессора, врачи, фельдшеры и сестры милосердия — духовные дети о. Алексея — обслуживали больных, обращавшихся к о. Алексею за помощью. Хотя не было своей школы, но ряд профессоров, писателей, педагогов, студентов, также духовных детей о. Алексея, приходили своими знаниями и своими связями на помощь тем, кому оказывалась она потребной. Хотя и не было при Общине своего организованного приюта, тем не менее, нуждающихся или обращавшихся за помощью одевали, обували, кормили. Члены Маросейской Общины, проникая во все отрасли жизни, всюду своей работой помогали о. Алексею в деле «разгрузки» страждущих. Тут не было никакой внешней организации, но это не мешало быть всем объединенными единым духом (Сохранена орфография и пунктуация источника. — А.А.) [8, т. 2, с. 626].

Далее возникла необходимость более тонкой работы для соединения разнородных групп, которые появились в приходе в 1919–1920 годах. Объединение было основано на общении в совместном познании Бога.

Беседы по домам по средам начал о. Алексей для объединения новых, незнакомых друг с другом и с прежними прихожанами групп: «чудовских»² и «курсовых»³, которые с трудом друг друга понимали и плохо уживались.

Батюшка о. Алексей, вступая на путь пастырства, понимал нужды верующего сердца, желал послужить христианину, остающемуся в миру, хотел дать ему то, что он ищет в монастыре и, как прямо высказывался в последние годы жизни, хотел действительно основать монастырь в миру. Он имел в виду не внешнюю сторону монастыря, а то, что должно составлять его содержание, то есть подлинную духовную жизнь, которая наиболее яркое выражение нашла себе в жизни первохристианской общины, описанной в Деяниях апостольских [5, с. 34].

2. Пришедших в храм о. Алексея после закрытия Чудова монастыря.

3. Пришедших в храм с курсов по богослужению.

Не звал батюшка бежать от жизни и от людей, он говорил, что христианин должен быть солью общества и каждый на своем посту должен оздоравливать собою окружающую его обстановку, а не отказываться от своего долга [5, с. 135].

В предпоследний год своей жизни на одном из собраний в кругу самых близких духовных детей своих батюшка вновь затронул тему монастыря в миру. Он говорил о непрестанном внутреннем делании, молитве, пребывании с Господом.

Теперь монастырь должен быть в миру. Мирской должен быть монастырь. Я над этим давно работаю и думаю, что у нас стена уже есть. Думаю, что есть... остается внутреннее устройство [5, с. 136].

В качестве *некоторых выводов* необходимо отметить, что о. Алексей Мечёв в своей пастырской практике с самого начала понимал, что для христианина невозможно жить и спастись в одиночку. Налаживая христианскую жизнь в условиях современного ему большого города, он видел необходимость созидания общины, или «монастыря в миру», как он называл ее вслед за прот. Валентином Амфитеатовым.

При этом о. Алексей не забывал и про личные духовные, душевные и телесные потребности, личный духовный путь своих чад, полагая в нем важное основание общему собиранию. Этот личный духовный путь о. Алексей основывал на святоотеческой традиции молитвы, упорядочения жизни, послушания и трезвения.

Основой общего пути были: богослужение и агапы как его продолжение, совместное изучение церковного Предания (трудов свв. отцов, литургики, истории святости) и Писания (в основном, Нового завета). Это помогало о. Алексею собирать как жизнь каждого, так и всей общины вокруг Христа.

Его опыт актуализации аскетической, богослужебной и общинной жизни «в миру» — очень значимое явление для Русской церкви, особенно в начале XX в. Этим опытом были воспитаны многие известные современные пастыри (например, прот. Александр Мень, священник Георгий Кочетков, еп. Сергей (Соколов), прот. Николай и Федор Соколовы и др.), которые на его основании создали свои многочисленные общины. Это говорит о том, что опыт общин, созданных о. Алексеем, оказался жизнеспособен. Этот опыт особенно ценен для нас в современной ситуации возрождения жизни Русской церкви.

Литература

1. Амвросий Медиоланский, свт. Об обязанностях священнослужителей. Казань, 1908.
2. Григорий Богослов. Избранные слова. М., 2002.
3. Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечёва / Сост. мон. Иулиания. М., 2002.
4. Иоанн Златоуст, свт. Шесть слов о священстве. М., 1987.
5. Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. Париж, 1957.
6. Св. Григорий Богослов. Слово 3-е // Настольная книга священнослужителя. М., 1992. Т. 1. С. 562–591.
7. Пастырь добрый: Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва. 2-е изд. М., 2000.
8. Флоренский П., свящ. Отец Алексей Мечёв // Флоренский П., свящ. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 621–627.
9. Шавельский Г., протопр. Православное пастырство. СПб., 1996.